

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.

Шарлотта Кордэ.

Петионъ, Барбару, Гюаде, Лувэ, Бюзю и Ланжюинэ, депутаты національнаго Конвента, члены такъ печально закончившей свое политическое существованіе, отличававшейся замѣчательными талантами и возвышенными идеями, дѣлавшей честь рождавшейся республикѣ своимъ отвращеніемъ къ кровопролитію, къ преступленію, къ анархіи и старавшейся спасти революцію, не обатряя ее кровью, умѣренной партіи жиронды, послѣ событіи 27 и 31 мая и 2 іюня 1793 года, спасаясь отъ преслѣдованій вожака одержавшей надъ нею верхъ партіи горы (монтаньяровъ), жестокаго, кровожаднаго Марата *), бѣжали въ Канъ, въ Кальвадосъ.

Возмущенные такимъ пораженіемъ жирондистовъ, граждане этого мирнаго городка и его окрестностей рѣшили предпринять походъ въ Парижъ противъ Марата, сговорившись собраться на лугахъ близъ Кана,

*) Жанъ Поль Маратъ, замѣчательное лицо французской революціи, родился въ 1744 г. въ Бодри, въ Невшателѣ. При началѣ революціи былъ ветеринаромъ у графа д'Артуа, отличался какъ неистовый якобинецъ и демагогъ, стремившійся для личной пользы привлечь массы народа на свою сторону, дѣйствуя на его дурныя страсти и склонности. Онъ издавалъ народный журналъ „Ami du peuple“ („Другъ Народа“), сдѣлавшій его идоломъ массы, и хотя онъ былъ нѣсколько разъ обвиняемъ, но каждый разъ избѣгалъ казни дерзостью или бѣгствомъ. Черезъ Дантона былъ выбранъ въ члены муниципалитета, а потомъ въ комитетъ общественной безопасности. Ужасный законъ о подозрѣваемыхъ придуманъ имъ-же.

И это только один пример безграмотного либерального бреда: закон о подозрительных был инициирован и принят осенью 1793 года, спустя почти 4 месяца после гибели Марата. - ред. Vive Liberta.

чтобы отсюда тронуться въ путь. И вотъ, на этотъ исполинскій дерновый коверъ, могущій вмѣстить болѣе 10000 человѣкъ, въ назначенный день, 7 іюля 1793 года, явилось всего лишь 30 храбрыхъ добровольцевъ! Присутствовавшія тутъ же, вмѣстѣ съ бѣглыми депутатами, любопытныя дамы были поражены такимъ ничтожнымъ числомъ и выражали по этому поводу различныя мнѣнія, сходявшіяся въ одномъ общемъ сожалѣніи, что выполненіе задуманной цѣли при такихъ условіяхъ состояться не можетъ.

Но, среди этихъ дамъ, находилась одна молодая дѣвушка, обратившая на себя вниманіе своимъ слишкомъ печальнымъ видомъ. Ей вдругъ пришла въ голову мысль, что ея бѣдное, изстрадавшееся отечество, Франція, окончательно погибнетъ, благодаря трусости мушницъ, отказавшихся выполнить священный долгъ спасенія республики изъ рукъ такого звѣря, какимъ, благодаря пламеннымъ рѣчамъ Петіона и его сообщниковъ, казался ей Маратъ, и что спасти ее должна рука слабой женщины, *ея рука*. Вдохновенная такою мыслью, сосредоточившаяся на ней всѣмъ своимъ существомъ, эта дѣвушка была Марія Шарлотта Кордэ д'Арманъ, молодая, красивая особа, пламенная республиканка, происходившая изъ благородной, но бѣдной, семьи и проживавшая въ Канѣ у своей тетки *).

Единственный сохранившійся портретъ Шарлотты Кордэ сдѣланъ очень неудачно, незадолго передъ ея смертью **). Онъ отражаетъ необыкновенную кротость

*) До этого мѣста, начало біографіи Шарлотты Кордэ, заключающее въ себѣ по подлиннику лишь нѣсколько строкъ, даетъ очень слабый намекъ на событіе 7 іюля 1793 года въ Канѣ, а потому пришлось его нѣсколько развить и изложить совершенно иначе.

**) Незадолго до прихода въ тюрьму палача, къ Шарлоттѣ вошелъ художникъ Хаузэръ, начавшій писать ея портретъ

лица и, вообще, лишь внѣшнія черты, но не даетъ ни малѣйшаго представленія о той связи оригинала съ кровавымъ воспоминаніемъ, съ которымъ соединено его имя. Это лицо молодой дѣвушки изъ Нормандіи, молодое женское лицо въ своемъ юношескомъ расцвѣтѣ. На портретѣ она выглядитъ гораздо моложе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, какъ должна бы выглядѣть вообще дѣвушка въ возрастѣ 25 лѣтъ. Въ этомъ трагическомъ изображеніи она кажется необыкновенно скромной, сосредоточенной и строгой, какими представляются и всѣ женщины на ея родинѣ. А между тѣмъ, то, что пережила эта мужественная дѣвушка, вдохновенная мыслью о великомъ подвигѣ, приведенномъ ею въ исполненіе, казалось, должно было бы положить на лицо ея особый отпечатокъ героизма.

Она имѣла пепельнаго цвѣта волосы, носила бѣлый чепецъ и бѣлое платьѣ. Въ ея глазахъ замѣтны выраженія сомнѣнія и грусти. При сильномъ напряженіи воли, какъ это всегда бываетъ у отважныхъ людей, въ послѣдній моментъ передъ исполненіемъ задуманнаго, возникаютъ разнородныя сомнѣнія. Требуется большое напряженіе зрѣнія, чтобы на этомъ портретѣ разглядѣть въ ея грустныхъ и кроткихъ глазахъ еще нѣчто такое, что, быть можетъ, и объяснить всю ея судьбу: въ нихъ видна какая-то скрытность! Да, это и есть то единственно несомнѣнное, что въ портретѣ находятъ. Въ этомъ прекрасномъ, добромъ существѣ, дѣйствительно, таилась какая-то нездоровая сила, мрачный демонъ одиночества.

Она имѣла несчастье потерять свою мать, когда была еще ребенкомъ, и росла безъ материнскихъ ласкъ. Въ то же время она почти была лишена и отеческихъ

еще во время суда. Шарлотта согласилась позировать для него и попросила только сдѣлать съ портрета копію и передать ее роднымъ.

попеченій; ея отецъ былъ бѣдный благородный помѣщикъ, романтикъ и неисправимый мечтатель, писавшій противъ злоупотребленій властью дворянъ, много заботившійся о своихъ книгахъ и очень мало о своихъ дѣтяхъ. Тринадцати лѣтъ ее отдали въ женскій дворянскій монастырь въ Канъ. Монастырь этотъ находился въ весьма уединенномъ мѣстѣ; здѣсь раздавалось только карканье воронъ, кружившихся надъ его башнями, да завыванія вѣтра утомляли слухъ его обитательницъ. Тамъ ее всѣ чуждались, такъ какъ она была бѣдна; а извѣстно, какъ богатые пренебрегаютъ бѣдными даже и въ такихъ скромныхъ обителяхъ, гдѣ должны были бы существовать священные завѣты Христа о равенствѣ. Душа молодой Шарлотты требовала какой-либо привязанности, и если она не нашла таковой для себя, то сама почувствовала ее для двухъ другихъ находившихся тамъ бѣдныхъ благородныхъ дѣвушекъ. Въ пріемной комнатѣ аббатиссы часто собиралось общество, куда имѣли также доступъ и молодые люди изъ аристократическихъ фамилій; но легкомысліе ихъ побуждало Шарлотту избѣгать этого общества и все болѣе и болѣе удаляться отъ свѣтской пустоты и развивать свою склонность къ одиночеству.

Ея настоящими друзьями были книги. Философія проникла также и въ монастырь. Въ руки Шарлотты попадали случайныя и плохо подобранныя вещи для чтенія. Рейналь и Руссо, безъ разбора, прочитывались ею съ одинаковымъ интересомъ. Въ своемъ уединеніи, она представляла себѣ, что живетъ среди вѣчныхъ героевъ Плутарха, въ Элизіумѣ, увлекавшихъ и ея существо на какой-то невѣдомый подвигъ.

Когда монастыри были закрыты и отецъ ея снова женился, она направилась въ Канъ къ старой теткѣ, мадамъ де-Бретвилль. Тамъ охватила ея рѣшимость на подвигъ, осуществленіе котораго не заставило ее

медлить. Нѣкоторое время, впрочемъ, ее удерживала мысль о ея старой теткѣ, столь дружелюбно пріютившей ее у себя, чтобы своимъ поступкомъ не навлечь на нее несчастія; затѣмъ она все-таки вынуждена была открыться ей и тѣмъ самымъ очень озадачить ее.

Разъ какъ-то тетка застала ее плачущею и спросила о причинѣ ея слезъ.

— Я плачу о Франціи,—сказала Шарлотта,—о моихъ родныхъ и объ васъ. Пока Маратъ живъ, никто не можетъ быть ни одного дня спокоенъ за свою жизнь.

Со дня отъѣзда добровольцевъ изъ Кана, Шарлотта Кордэ имѣла только одну мысль, прибыть въ Парижъ ранѣе этихъ мушницъ, чтобы спасти ихъ жизнь, которою они такъ мужественно хотѣли пожертвовать, и сдѣлать ихъ любовь къ отечеству излишней, въ то время, какъ она предупредить ихъ въ избавленіи Франціи отъ тиранніи. Независимо отъ желанія пожертвовать собою для этихъ людей, ее побуждала къ этому шагу и ея собственная любовь къ отечеству.

Предчувствіе предстоявшаго ужаса въ то время уже распространилось по всей Франціи. Эшафотъ безъ усталы работаль въ Парижѣ; говорили даже, что онъ будетъ распространенъ по всей республикѣ. Власть Горы *) и Марата должна была побѣдить и могла держаться только при посредствѣ рукъ палачей. Говорили о томъ, что Маратъ уже составилъ списки лицъ, предназначенныхъ къ преслѣдованію, и установилъ ихъ предводителей, которые должны были пасть жертвой его злобы и жажды мщенія. Въ Ліонѣ отмѣчено было 2500 жертвъ, въ Марселѣ 3000, въ Парижѣ 2800, въ Бретани и Кальвадосѣ 3000. Имя Марата всѣхъ приводило въ ужасъ, какъ будто оно было однозначаще со словомъ „смерть“. Чтобы

*) Такъ называлась радикальная партія въ національномъ собраніи (монтаньяры), засѣдавшая въ верхнихъ рядахъ Конвента.

помѣшать такому потоку крови, Шарлотта и рѣшила пожертвовать собою.

Она хотѣла изучить жирондистовъ и понять ихъ, вникнуть въ ихъ стремленія, не открывая однако имъ своихъ намѣреній. Она настолько уважала ихъ, чтобы, не раскрывая передъ ними своего плана, на который они могли бы взглянуть какъ на преступленіе и осуществленію котораго могли бы помѣшать, имѣла достаточно самообладанія для приведенія его въ исполненіе самой, безъ ихъ поддержки и безъ всякаго для нихъ риска. Подъ разными предлогами она заходила въ интендантство, куда имѣли доступъ граждане, въ случаѣ надобности передать депутатамъ свои просьбы. Тамъ она разговаривала съ нѣкоторыми изъ нихъ, а съ Барбару даже нѣсколько разъ, что и подало многимъ поводъ къ несправедливымъ догадкамъ и подозрѣніямъ, такъ какъ оба они были красивы и молоды.

Однажды, когда Шарлотта Кордэ сидѣла въ вестибюлѣ и ожидала прихода Барбару, вошелъ Петіонъ и, замѣтивъ ее, подтрунилъ надъ ея страстью и смѣясь сказалъ:

— Здѣсь опять эта красивая аристократка, которая приходитъ навѣщать республиканцевъ.

Молодая дѣвушка поняла циническую насмѣшку и оскорбительный намекъ и, краснѣя, отвѣтила:

— Гражданинъ Петіонъ, вы судите такъ, не зная меня; но, вы вскорѣ же узнаете, кто я такая!

Шарлотта Кордэ просила для себя у Барбару рекомендательное письмо къ министру, чтобы хлопотать у него помощи для своей подруги юности, дѣвицы Форбэнъ, родители которой заставили ее отправиться вмѣстѣ съ ними въ ссылку, и она испытывала теперь въ Швейцаріи нужду и всякія лишенія. Барбару далъ ей письмо къ дю-Перрѣ.

Въ четвергъ, 11 іюля, около полудня, она прибыла въ Парижъ и остановилась въ домѣ № 17 на улицѣ

Въе Огюстэнъ, въ гостинницѣ Providence. Она устала съ дороги, легла въ 5 часовъ дня въ постель и спала до утра слѣдующаго дня сномъ молодости и со спокойной совѣстью. Ея жертва намѣчена, дѣйствія обдуманы и она не ощущала ни безпокойства, ни сомнѣній.

Въ удачномъ исполненіи своего намѣренія она была такъ увѣрена, что не торопилась къ его осуществленію.

На другой день она отправилась къ дю-Перрѣ, котораго, однако, не застала; его дочь взяла къ себѣ рекомендательное письмо Барбару, такъ какъ возвращенія дю-Перрѣ ожидали только къ вечеру. Шарлотта Кордэ вернулась въ свою комнату въ гостинницѣ и провела тамъ день въ чтеніи и размышленіяхъ. Въ 6 часовъ вечера она вторично пошла къ дю-Перрѣ, сообщила ему подробности своего ходатайства и просила его представить ее министру Гарату, чтобы лично изложить ему дѣло Форбэнъ. Это былъ только предлогъ; она, собственно, хотѣла видѣть одного изъ тѣхъ жирондистовъ, ради которыхъ приносила себя въ жертву.

Дю-Перрѣ обѣщалъ ей представить ее на другой день министру и оказать содѣйствіе въ ея хлопотахъ. Она сообщила ему свое имя и адресъ. Но, прежде чѣмъ удалиться, она сказала:

— Дозвольте мнѣ, гражданинъ, подать вамъ совѣтъ: оставьте Конвентъ, вы тамъ ничего болѣе хорошаго уже не сдѣлаете, удалитесь въ Канъ, чтобы присоединиться къ своимъ братьямъ и товарищамъ. Но депутатъ очень опредѣленно отвѣтилъ ей:

— Мое мѣсто въ Парижѣ и я его не покину!

— Вы дѣлаете ошибку—сказала Шарлотта Кордэ и, почти умоляя, добавила:—бѣгите, бѣгите до завтрашняго вечера!—и быстро вышла, не дождавшись отвѣта.

Рано утромъ на другой день дю-Перрѣ послалъ за Шарлоттой, чтобы вмѣстѣ съ ней отправиться къ министру Гарату. Но министръ всетаки ее не принялъ. Дю-Перрѣ тогда сказалъ, что Гаратъ могъ скорѣе по-

вредить ей, нежели принести пользу, такъ какъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе и что какъ разъ въ ночь передъ тѣмъ Конвентомъ были приняты противъ него мѣры. Шарлотта Кордэ не настаивала, такъ какъ при такихъ условіяхъ она уже не нуждалась въ предложѣ для достиженія своей главной цѣли. Дю-Перрэ разстался съ нею у подъѣзда при входѣ въ гостинницу.

Она сдѣлала видъ, какъ будто вошла туда. Но, вскорѣ она опять вышла и занялась изученіемъ улицъ, ведущихъ къ Пале-Роялю. На одной изъ нихъ она купила себѣ въ ножевомъ магазинѣ за 40 су кинжало-подобный ножъ и спрятала его къ себѣ за корсажъ. На обратномъ пути она зашла въ садъ и присѣла на скамейку. Первою мыслью ея, охватившею ее еще въ Канѣ, было убить Марата въ присутствіе членовъ партіи горы (монтаньяровъ), во время собранія, на глазахъ его приверженцевъ и поклонниковъ. Она была увѣрена, что тогда немедленно-же рѣшится и ея собственная участь, при чемъ разъяренною толпою она будетъ разорвана въ куски и не останется другого воспоминанія какъ о двухъ трупахъ и о погрязшей въ крови тиранніи. Она надѣялась, что имя ея останется неизвѣстнымъ, и полагала, что будетъ достаточно вознаграждена однимъ признаніемъ удачно совершеннаго подвига, будь это позоръ или слава. Они могли имѣть оправданіе исключительно въ ея собственномъ сознаніи, пребывавшемъ въ состояніи полного душевнаго спокойствія. Но Марать не выходилъ на засѣданія и лежалъ дома больной. Когда она сидѣла въ паркѣ, неподалеку отъ нея игралъ ребенокъ, занятый пересыпаніемъ песку въ свой передникъ; по-видимому, лицо Шарлотты ему понравилось и онъ положилъ свою головку къ ней на колѣна. Шарлотта посадила его къ себѣ. Въ это время онъ замѣтилъ рукоятку ножа и вытащилъ его. Увидѣвъ это, Шарлотта быстро встала, бросила вокругъ себя безпокойный взглядъ, поставила ребенка на землю и удалилась, при

чемъ снова запрятала ножъ за свой корсажъ. Лишь только она пришла домой, какъ рѣшила выполнить свое намѣреніе безъ замедленія.

Такимъ образомъ, она должна была идти къ самому Марату, въ его домъ, проникнуть туда, не возбуждая подозрѣній у окружающихъ его лицъ. Она должна была обмануть ихъ, пробраться подъ ложнымъ предложомъ. Это не входило въ ея расчеты и приводило ее къ сомнѣнію и угрызенію совѣсти, оскорбляло ея душу, такъ какъ мечъ превращало въ западню, храбрость въ подлость, самопожертвованіе въ коварное убійство!

Первое письмо, которое она написала Марату, осталось безъ отвѣта. Тогда она написала другое, въ которомъ, выражая полное сочувствіе къ его болѣзненному состоянію, дала понять, что она недовольна его невниманіемъ, такъ какъ должна была довѣрить ему значительную тайну, что ее преслѣдуютъ и что она несчастна. Однако, она передумала, и этого письма къ нему не послала.

13 іюля, въ 7 часовъ вечера, она вышла изъ гостинницы, наняла на Площади Побѣды фіакръ и поѣхала на улицу Кордельеровъ № 20, гдѣ жилъ Марать.

Лицо Шарлотты Кордэ не внушало недовѣрія; напротивъ, ея простой нарядъ провинціальной дѣвушки говорилъ скорѣе въ ея пользу. На ней было простое бѣлое платье, бѣлый кружевной чепецъ; ея щеки были румяны, голосъ увѣренный, ни малѣйшаго признака волненія.

Твердыми шагами прошла она мимо жены привратника, не обративъ никакого вниманія на ея окликъ, вступила въ пререканія съ недружелюбно отнесшейся къ ней Катериной Эвраръ, которая на услышанный ею шумъ на лѣстницѣ пріотворила дверь и старалась загородить ей дорогу. Эти пререканія были услышаны самимъ Маратомъ. Несмотря на то, что сидѣлъ въ ваннѣ, онъ повелительнымъ голосомъ приказалъ ее впустить.

Комната была мала и темна, Марать сидѣлъ въ ваннѣ, покрытый простыней, положивъ передъ собой доску, на которой писалъ, и можно было видѣть только его голову и правую руку. Волосы его были повязаны платкомъ. Худощавое костистое лицо и широкій ротъ, дѣлали его ужасно отвратительнымъ. Она сказала, что пришла сообщить ему извѣстія изъ Нормандіи; онъ сталъ спрашивать ее, въ особенности, интересовался узнать имена бѣжавшихъ въ Канъ депутатовъ; она называла ихъ и онъ всѣхъ ихъ переписалъ. Когда списокъ быть готовъ, онъ добавилъ: „Прекрасно, всѣ они будутъ гильотинированы“. Эти слова предрѣшили его участь и придали силы Шарлоттѣ. Она быстро вытащила изъ-за корсажа ножъ и вонзила его прямо въ сердце Марата. Однако, онъ имѣлъ еще настолько силы, чтобы вскрикнуть: „Ко мнѣ, дорогая моя подруга, ко мнѣ!“ Она ранила его смертельно, ножъ насквозь пронзилъ легкое и сердце и онъ всплылъ въ собственной крови. На его крикъ о помощи поспѣшно прибѣжали его секретарь Лоранъ Бассъ и горничная и схватили въ свои руки безжизненно склоняющуюся голову Марата.

Шарлотта Кордэ даже не пыталась бѣжать; она пошла къ окну, держась прямо, спокойно и неподвижно. ассъ ударилъ Шарлотту Кордэ стуломъ и опрокинулъ ее, Катерина Эваръ топтала ее ногами.

Трупъ Марата вынули изъ ванны и понесли въ кровать, въ сосѣднюю комнату. Напрасно трудились врачи, чтобы остановить кровотеченіе и возвратить Марата къ жизни: онъ уже былъ мертвъ.

Тѣмъ временемъ Шарлотта Кордэ поднялась, опять приблизилась къ окну и спокойно въ него смотрѣла.

На улицѣ кричала собравшаяся уже толпа, выражая желаніе растерзать Шарлотту Кордэ, такъ какъ молва о происшествіи быстро распространилась.

— Бѣдные люди, — говорила она, — вы хотите моей смерти, но вы должны боготворить меня за то, что я

избавила васъ отъ этого изверга! — Толпа видѣла тиранію и освобожденіе воплощенными только въ одномъ человѣкѣ, и Шарлотта Кордэ раздѣляла это мнѣніе по своему. Тѣнь Марата заслоняла передъ ней всю республику.

Комиссія, состоявшая изъ депутатовъ Мора, Шабо, Друэ и Лежандра, которые были извѣщены полицейскимъ комиссаромъ о происшествіи, тотчасъ прибыла туда и немедленно же на мѣстѣ произвела допросъ. Когда депутаты спросили Шарлотту Кордэ о причинахъ, побудившихъ ее къ исполненію такого дѣла, она отвѣтила:

— Такъ какъ я видѣла, что во всей Франціи возгорается междоусобная война, и была убѣждена, что главный виновникъ этого бѣдствія Марать, то я предпочла принести въ жертву собственную жизнь для спасенія моего отечества.

Шабо и Друэ поѣхали съ ней въ военную тюрьму (въ Аббатствѣ). Но собравшаяся на улицѣ толпа была въ высшей степени раздражена тѣмъ, что у нея отняли ея добычу, и удвоила свой ревъ. Тогда Шарлотта упала въ обморокъ, такъ какъ ей казалось, что видитъ наступающимъ свой послѣдній часъ. Когда она очнулась отъ своего оцѣпененія, то была очень удивлена, что ей сохранили ея жизнь. Она была увѣрена, что толпа растерзаетъ ее.

Прибывъ въ военную тюрьму, она подверглась допросу Друэ и Шабо, который затянулся до полуночи. Подъ конецъ она сказала:

— Что касается меня, то я выполнила свою задачу; другіе сдѣлаютъ остальное.

Послѣ допроса, Шарлотта Кордэ была переведена изъ военной тюрьмы въ Консьержери. Еслибъ теперь жилище ея находилось даже внѣ міра, то для нея и тогда было-бы безразлично, въ какую тюрьму хотятъ ее оправить. Съ ангельскимъ спокойствіемъ выжидала

она теперь момента, долженствовавшего увѣнчать ея дѣло. Въ короткій промежутокъ между совершившимся и предстоящей ей смертной казнью ей уже никакого не было дѣла до того, какъ обращаются съ нею люди. Фукье-Тенвилль дважды напрасно пытался выслушать ее, но она уклонялась отъ всякихъ отвѣтовъ, такъ какъ рѣшила говорить только передъ судомъ. Она написала въ тюрьмѣ два прощальныхъ письма, одно къ отцу, другое къ Барбару. Вотъ первое письмо: „Простите меня, дорогой мой отецъ, что я своею жизнью распорядилась безъ вашего позволенія. Я отмстила за многія невинныя жертвы и предупредила многочисленныя бѣдствія. Народъ, у котораго скоро откроются глаза, обрадуется, увидѣвъ себя освобожденнымъ отъ своего тирана. Когда я внушала вамъ мысль, что отправляюсь въ Англію, то я надѣялась, что послѣ происшествія въ состояніи буду удержать свое инкогнито; но теперь я вижу, что это невозможно. Я надѣюсь, что васъ не будутъ беспокоить. Къ тому-же, я увѣрена, что вы найдете въ Канѣ и защитниковъ“.

„Прощайте, дорогой мой отецъ; я прошу васъ забыть обо мнѣ, даже болѣе, не сокрушаться о выпавшемъ на мою долю жребіи. Вы знаете вашу дочь. Порочный поводъ никогда бы не заставилъ меня совершить такого проступка. Обнимаю мою сестру, которую люблю всею душою, какъ и всѣхъ моихъ родныхъ“.

„Не забывайте стиха Корнея: „Постыдень не эшафотъ, а преступленіе“.

Содержаніе письма къ Барбару было слѣдующее: „Вы высказали желаніе узнавать объ отдѣльныхъ приключеніяхъ моей поѣздки, но я не буду рассказывать вамъ анекдотовъ. Повѣрите-ли вы мнѣ, Фошэ привлеченъ къ суду въ качествѣ моего соучастника, онъ, который не зналъ даже о моемъ существованіи! Меня допрашивали Шабо и Лежандръ. Шабо походилъ на сумасшедшаго. Лежандръ же утверждаетъ, что я была

у него утромъ, я, которая никогда и не думала объ этомъ человѣкѣ! Я не знаю за нимъ никакихъ достаточно крупныхъ талантовъ, чтобы представить его себѣ въ роли тирана страны, да я и не имѣла намѣренія наказывать весь міръ. Впрочемъ, они недовольны, кажется, тѣмъ, что приходится принести въ жертву останкамъ этого „великаго мужа“ лишь ничтожную женщину. Простите, мужчины! Это имя безчеститъ вашу полъ: это былъ дикій звѣрь, жаждавшій уничтоженія уже разоренной Франціи, огнемъ междоусобной войны. Теперь пусть да будетъ миръ! Благодареніе небу, онъ не былъ французскимъ уроженцемъ. Я думаю, послѣднія слова Марата были напечатаны, но я сомнѣваюсь, чтобы всѣ они могли быть имъ произнесены. Но здѣсь я приведу дѣйствительно сказанныя имъ мнѣ послѣднія слова, послѣ того какъ онъ узналъ имена находившихся въ Эвре депутатовъ. Чтобы утѣшить меня, онъ сказалъ, что какъ васъ, такъ и находящихся въ Парижѣ депутатовъ онъ прикажетъ гильотинировать. И вотъ, эти-то послѣднія слова рѣшили его участь“.

„Въ Парижѣ не понимаютъ, какимъ образомъ постронная женщина, продолжительная жизнь которой не вела ни къ чему хорошему, могла хладнокровно жертвовать этой жизнью для спасенія отечества. Ахъ, если бы миръ могъ наступить такъ скоро, какъ я этого желаю. Теперь великій преступникъ устраненъ, безъ чего намъ никогда бы не пришлось достигнуть успокоенія. Я не сомнѣваюсь, что будутъ преслѣдовать моего отца, его, который и безъ того долженъ перенести немало огорченій изъ-за моей потери“.

„Я прошу васъ, гражданинъ, и вашихъ товарищей, взять подъ свою защиту моихъ родныхъ, если ихъ начнутъ беспокоить. Въ моей жизни я возненавидѣла только одно существо, и я показала, съ какимъ ожесточеніемъ разрослось во мнѣ это чувство; за то были тысячи другихъ, которыхъ я любила несравненно болѣе,

нежели ненавидѣла его. Я наслаждаюсь драгоценнымъ миромъ, уже два дня вселяющимъ въ меня радость о наступившемъ счастьи моего отечества“.

„Мое время я провожу въ сочиненіи стиховъ“.

„Пусть тѣ, кто могъ бы сожалѣть обо мнѣ, утѣшатся, когда узнаютъ, что меня ожидаетъ въ Елисейскихъ поляхъ въ обществѣ Брута и нѣсколькихъ другихъ героевъ древности; ибо современники не прельщаютъ меня, всѣ они столь мелкія души. Немного находится патріотовъ, готовыхъ умереть за отечество, всѣ они эгоистичны“.

„Ко мнѣ приставили двухъ жандармовъ, вѣроятно, затѣмъ, чтобы я не скучала; въ теченіе дня я нахожу это распоряженіе хорошимъ, но отнюдь не для ночи. Я уже жаловалась по поводу такого неприличія, но принять это къ свѣдѣнію не сочли нужнымъ. Мнѣ думается, что подобная охрана есть выдумка Шабо. Только капуцинамъ могутъ приходиться въ голову такія мысли!“.

„Еслибы нѣкоторые друзья полюбопытствовали содержаніемъ этого письма, то прошу васъ никому въ этомъ не отказывать. Я должна имѣть защитника, это, вѣдь, установлено и закономъ. Я избрала Густава Дусэ-де-Понтекулана. Мнѣ кажется, что онъ уклонится отъ этой чести, хотя ему и не представилось бы большого труда взять на себя это дѣло. Я думала также избрать Робеспьера. Я потребую также, чтобы мнѣ предоставлено было право распорядиться моими деньгами. Я предназначаю ихъ въ пользу женъ и дѣтей тѣхъ храбрыхъ жителей Кана, которые выступили оттуда для спасенія Парижа“.

„Я удивляюсь, что народъ, при переводѣ меня изъ военной тюрьмы въ Консьержери, держалъ себя довольно спокойно. Это служитъ лишь новѣйшимъ признакомъ его успокоенія“.

„Завтра утромъ, въ 8 часовъ, меня будутъ судить,

а въ полдень я уже доживу до разговора на языкѣ римлянъ“.

„Слѣдуетъ довѣриться мужеству обитателей Кальвадоса, такъ какъ тамошнія женщины способны быть твердыми. Впрочемъ, я не знаю, какъ пройдутъ послѣдніе моменты моей жизни, но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Я не нуждаюсь въ поддѣлкѣ нечувствительности къ моему жребію, такъ какъ до сихъ поръ не питаю ни малѣйшаго страха передъ смертью“.

„Я никогда не буду цѣнить жизнь иначе, какъ только по ея дѣйствительной полезности. Я надѣюсь, что дю-Перрэ и Фоше завтра будутъ освобождены. Утверждаютъ, что послѣдній приводилъ меня на галерею въ національное собраніе. Какъ могло придти ему въ голову вводить туда женщину? Какъ депутатъ, онъ не имѣлъ надобности ходить на галерею, а какъ епископъ, онъ не могъ даже водиться съ женщинами. Такимъ образомъ, онъ получилъ теперь надлежащій урокъ. Но дю-Перрэ ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя. Марать не появится въ Пантсонъ, хотя онъ и очень заслужилъ этого. Я поручаю вамъ всѣмъ сочинить для него подобающую надгробную рѣчь и собрать для этого необходимые свѣдѣнія“.

„Я ничего не говорю другимъ друзьямъ моимъ; я требую лишь скорѣйшаго забвенія; ваша печаль оскорбить только память обо мнѣ“.

„Будьте счастливы, гражданинъ, я предаю себя памяти „друзей мира“. Заключение въ Консьержери, далекіе отъ того, чтобы порицать меня, кажется, даже сочувствуютъ мнѣ. Несчастье сближаетъ, и это является послѣднимъ почтеніемъ“.

Вотъ подробности допроса:

Вопросъ: „Правда ли, что вы проникли къ гражданину Марату, который въ то время находился въ ваннѣ, и что вы означеннаго Марата убили ножомъ, который мы вамъ здѣсь предъявляемъ?“

Отвѣтъ: „Да, я узнаю этотъ ножъ“.

Вопросъ: „Какое побужденіе заставило васъ привести въ исполненіе это убійство?“

Отвѣтъ: „Такъ какъ я видѣла возгоравшуюся во всей Франціи междоусобную войну и была убѣждена, что главнымъ виновникомъ этого бѣдствія является Маратъ, я рѣшила принести въ жертву мою жизнь, чтобы спасти мое отечество“.

Вопросъ: „Намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы вы однѣ рѣшили выполнить, руководствуясь собственнымъ побужденіемъ, этотъ достойный проклятія планъ. Назовите намъ лицъ, которыя склонили васъ на это дѣло, а также имена лицъ, съ которыми вы чаще всего сносились въ Канъ?“

Отвѣтъ: „Своего плана я не сообщала ни одному смертному. У меня давно уже имѣлся паспортъ для путешествій, который понадобился мнѣ только для поѣздки въ Парижъ. Когда я во вторникъ уѣзжала изъ Кана и покидала старую родственницу, у которой я жила, я говорила ей, что ѣду къ отцу. Очень немного людей ведетъ знакомство съ этой старой родственницей и никто изъ нихъ не былъ посвященъ въ мой замысел“.

Вопросъ: „Судя по вашему предыдущему отвѣту, слѣдуетъ принять, что вы покинули Канъ исключительно для того только, чтобы совершить это убійство?“

Отвѣтъ: „Признаю, что я имѣла въ виду только это намѣреніе и что не покидала бы Кана, если бы не чувствовала живѣйшей потребности исполнить его“.

Вопросъ: „Гдѣ вы приобрѣли этотъ ножъ, чтобы совершить убійство? Назовите лицъ, съ которыми вы видѣлись со времени вашего пребыванія въ Парижѣ? Что вы дѣлали здѣсь съ четверга, т.-е. со дня вашего пріѣзда?“

Отвѣтъ: „Я купила ножъ сегодня утромъ, въ 8 часовъ, въ Пале-Рояль. Я никого не знаю въ Парижѣ, гдѣ до сихъ поръ я никогда не бывала. Я пріѣхала въ

четвергъ около полудня и легла въ постель отдохнуть. Только въ пятницу утромъ я вышла и отправилась гулять на Площадъ Побѣдъ и въ Пале-Рояль. Послѣ полудня я вовсе не выходила. Я кой-что писала, что вы и найдете у меня. Сегодня утромъ я вышла и около семи часовъ была въ Пале-Рояль. Купивъ ножъ, я наняла на Площади Побѣдъ фіакръ, чтобы ѣхать къ гражданину Марату, но не могла попасть къ нему. Тогда, возвратившись домой, я рѣшила послать ему по городской почтѣ письмо и подъ вымышленнымъ предлогомъ потребовала у него пріема для личныхъ переговоровъ. Около половины восьмого вечера, я опять взяла фіакръ и снова поѣхала къ Марату, чтобы получить отвѣтъ на мое письмо. Опасаясь новаго отказа, я заготовила другое письмо, находящееся въ моемъ портфелѣ. Я думала передать его гражданину Марату, но оно осталось безъ употребленія, такъ какъ Маратъ принялъ меня“.

Вопросъ: „Какимъ же образомъ, въ этотъ второй разъ, вамъ удалось пробраться къ гражданину Марату и въ какое именно время вы совершили преступленіе?“

Отвѣтъ: „Женщины открыли мнѣ двери, но не допускали меня къ Марату; а такъ какъ до его слуха достигли мои настойчивыя требованія, то онъ самъ приказалъ, чтобы меня впустили. Онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, спрашивалъ о проживающихъ въ Канъ депутатахъ, требовалъ перечисленія ихъ, равно какъ и служащихъ въ муниципалитетѣ, по имени. Я ихъ назвала ему, и когда Маратъ сказалъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени всѣхъ ихъ подвергнетъ гильотинированію, я тотчасъ же вытащила изъ-за пазухи ножъ и вонзила его въ Марата, сидѣвшаго въ ваннѣ, и смертельно его ранила“.

Вопросъ: „Вы не пытались бѣжать послѣ совершенія этого преступленія?“

Отвѣтъ: „Я бы убѣждала, если бы мнѣ не загородили дорогу“.

Вопросъ: „Есть основаніе думать, что вы хотите ввести насъ въ заблужденіе, утверждая, что никто не былъ посвященъ въ задуманное вами намѣреніе, принимая также во вниманіе массу наличныхъ денегъ, какими вы располагаете, въ особенности, много для дѣвушки вашего возраста“.

Отвѣтъ: „Эти деньги составляютъ мою собственность, и я взяла ихъ, такъ какъ ни отъ кого не хотѣла ничего требовать“.

Вопросъ: „Вы дѣвица?“

Отвѣтъ: „Да“.

Вопросъ: „Были ли вы сегодня въ Сенъ-Пелажи или въ какой-либо другой тюрьмѣ этого города?“

Отвѣтъ: „Нѣтъ. Я даже не знаю, гдѣ находятся эти тюрьмы“.

Наконецъ, наступилъ ужасный день 17 іюля 1793 года, въ который Шарлотта Кордэ должна была выступить передъ революціоннымъ трибуналомъ.

Какъ только она была введена, ей предложили занять мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ и стали задавать обычные вопросы. Такъ какъ избранный ею защитникъ не явился, то предсѣдатель объявилъ подсудимой, что судъ самъ назначаетъ случайно находившагося тамъ Шово-Лагарда ея защитникомъ. Онъ приблизился къ ней. Она его не знала и осмотрѣла озабоченнымъ взглядомъ, какъ будто опасаясь, что онъ предприметъ защиту, которую она вынуждена будетъ тутъ же опровергнуть. Тотчасъ же начался разборъ дѣла. Первымъ свидѣтелемъ выступила Катерина Эвраръ. Она вполне добросовѣстно рассказала объ обѣихъ попыткахъ Шарлотты Кордэ проникнуть къ Марату; когда она хотѣла изобразить подробности покушенія, Шарлотта перебила ее такими словами: „Для чего же это; вѣдь я убила его“. Предсѣдатель спросилъ: „Кто под-

говорилъ васъ совершить это убійство?“ „Его преступность“, отвѣтила обвиняемая. „Что понимаете вы подъ словами „его преступность“, спросилъ онъ далѣе... „Зло, въ которомъ онъ виновенъ со времени революціи“.

Вопросъ: „Кто тѣ, которые убѣдили васъ совершить это убійство?“

Отвѣтъ: „Никто; я сама прониклась этимъ замысломъ“.

Была прочитана газета, въ которой описывалось покушеніе. Шарлотта Кордэ подтвердила, что всѣ обстоятельства описаны вполне точно.

Показанія кухарки и привратницы Марата также признаны были ею правильными. На вопросъ, съ кѣмъ она имѣла сношенія въ Канѣ, она назвала нѣсколько отдѣльныхъ лицъ. Но такъ какъ всѣ они были незначительны, то слѣдственный судья неоднократно возвращался къ вопросу, не была ли она въ частыхъ сношеніяхъ съ бѣжавшими депутатами. Она отвѣчала на вопросы отрицательно и рассказала о своемъ лишь весьма поверхностномъ знакомствѣ и о ничего незначившихъ встрѣчахъ съ ними. На вопросъ, у какого духовника она исповѣдывалась, она отвѣтила, что вообще еще ни разу не была на исповѣди.

„Вы, конечно, узнали изъ газетъ, что Маратъ былъ анархистомъ“, продолжая допросъ, говорилъ слѣдственный судья. „Да, я знала, что онъ ведетъ Францію къ гибели“, отвѣчала Шарлотта Кордэ, и говорила далѣе: „я убила одного человѣка, чтобы спасти сотни тысячъ людей. Впрочемъ, я была республиканкой за долго до революціи и никогда во мнѣ не было недостатка въ силѣ воли“.

Вопросъ: „Что вы подразумѣваете подъ словами „сила воли?“

Отвѣтъ: „Силу тѣхъ, кто пренебрегаетъ личной судьбой и умѣетъ жертвовать собою для отечества“.

Вопросъ: „Упражнялись ли вы для того, чтобы получить возможность такъ мѣтко попасть въ цѣль?“

Ответъ: „О, чудовище! онъ считаетъ меня обыкновеннымъ убійцей!“

Предсѣдатель: „Между тѣмъ, свѣдущими людьми установлено, что вы бы не убили его, еслибы ударъ пришелся не въ ширину, а въ длину“.

Шарлотта Кордэ: „Ударъ я направила именно такъ, какъ онъ пришелся; это простая случайность. Возмущеніе, наполнявшее мое сердце, вѣроятно, указало мнѣ дорогу“.

Вопросъ: „Передъ тѣмъ вы никогда не были въ Парижѣ?“

Ответъ: „Нѣтъ“.

Вопросъ: „Со дня вашего прѣзда получали ли вы изъ Кана письма или какія нибудь туда посылали?“

Ответъ: „Нѣтъ“.

Появляется депутатъ Клодъ Фоше, бывший епископъ. Онъ не знаетъ вовсе обвиняемой, никогда ее не видѣлъ, а потому и никогда не могъ бы сопровождать ее на галерею Конвента.

Шарлотта Кордэ: „Я знаю Фоше только по слухамъ, смотрю на него, какъ на человѣка безъ убѣжденій и безнравственнаго, котораго я презираю“.

Затѣмъ былъ допрошенъ депутатъ дю-Перрэ. Шарлотта Кордэ совершенно отрицаетъ его вину. Это дало поводъ слѣдственному суду спросить дю-Перрэ, какое онъ составилъ себѣ мнѣніе о Шарлоттѣ Кордэ послѣ разговора съ нею. „Я замѣтилъ“, сказалъ дю-Перрэ, „въ ея рѣчахъ выраженія только хорошей гражданки. Она сообщила мнѣ много хорошаго о томъ, что дѣлаютъ депутаты въ Канѣ и совѣтовала мнѣ слѣдовать туда за ними“.

Вопросъ: „Почему вы считали женщину хорошей, которая совѣтовала вамъ отправиться въ Канъ?“

Ответъ: „Я объяснилъ себѣ это просто дѣломъ взгляда“.

Когда обвиняемой предъявили окровавленный ножъ, она отвернулась и на лицѣ ея изобразилось ощущеніе ужаса; она сдѣлала движеніе рукою, какъ бы желая освободиться отъ него, и упавшимъ голосомъ произнесла; „Да, это именно тотъ самый ножъ, который послужилъ мнѣ для убійства Марата“.

Были прочитаны оба письма, которыя она писала въ тюрьмѣ. Письмо къ Барбару было выслушано ею спокойно, она даже улыбалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности, гдѣ говорилось о капуцинѣ Шабо. Но глаза ея наполнились слезами и едва не сдѣлалось съ нею дурно, когда читали письмо къ ея отцу. Затѣмъ лицо ея приняло обычное ясное выраженіе и она сообщила революціонному трибуналу, что комитетъ общественнаго спасенія обѣщаль ей непремѣнно отправить письмо къ Барбару, чтобы онъ могъ познакомиться съ его содержаніемъ своихъ друзей. Относительно второго письма, она заявила, что надѣется на человѣчность трибунала, который непремѣнно озаботится тѣмъ, чтобы оно дошло до ея отца.

Предсѣдатель въ немногихъ словахъ резюмировалъ все дѣло. Официальный обвинитель произнесъ свою обвинительную рѣчь и требовалъ смертной казни.

Онъ говорилъ о невознаградивой утратѣ, которую понесла Франція, и когда дошелъ до восхваленія Марата, Шарлотта Кордэ перебила его слѣдующими словами: „Вашъ Маратъ былъ чудовище!“

Затѣмъ слово предоставлено было ея защитнику. Мы приведемъ здѣсь только позднѣйшее описаніе самого Шово-Лагарда того впечатлѣнія, которое онъ произвелъ своею рѣчью на слушателей: „Лишь только я всталъ, какъ послышался какой-то глухой и неясный ропотъ, какъ бы вслѣдствіе внезапнаго испуга, но затѣмъ тотчасъ-же наступило гробовое молчаніе, которое въ состояніи было оцѣпить не одно чувствительное сердце. Въ то время какъ говорилъ обвинитель, мнѣ сказали

присяжные, чтобы я молчалъ; но предсѣдатель требовалъ, чтобы я ограничился утверженіемъ, что обвиняемая сумасшедшая. Всѣ они хотѣли, чтобы я унижилъ ее. Что касается ея самой, то лицо ея не мѣняло своего выраженія, и она посмотрѣла на меня только такъ, какъ будто хотѣла сказать, что вовсе не хочетъ быть оправданной“.

„Впрочемъ, послѣ допроса я уже не могъ сомнѣваться въ томъ, что было очевидно; независимо отъ ея собственнаго признанія, само слѣдствіе представило ясныя доказательства, что она впередъ обдумала убійство. Тѣмъ не менѣе, рѣшаясь приступить къ исполненію своей обязанности, я не хотѣлъ сказать ничего такого, что могли бы отвергнуть моя совѣсть и сама подсудимая. Вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль ограничиться только простымъ обзорѣніемъ обстоятельствъ, которое могло бы имѣть основаніе для всякой защиты въ національномъ или законодательномъ собраніи, и я сказалъ: „Подсудимая хладнокровно сознается въ существовавшемъ у ней замыслѣ, однимъ словомъ, она сознается во всемъ и даже не ищетъ повода къ оправданію. Вотъ, присяжные засѣдатели и сограждане, и вся ея защита. Это невозмутимое спокойствіе, это самоотреченіе, которыя даже передъ лицомъ смерти не ощущаютъ какого-либо раскаянія, такія спокойствіе и самоотреченіе, допускаемая въ извѣстномъ состояніи, не существуютъ въ природѣ. Они могутъ проявиться только въ состояніи сильнаго политическаго увлеченія, которое и всучило въ ея руки княжалъ. Вамъ, присяжные, надлежитъ обсудить, какое значеніе можетъ имѣть такое состояніе на вѣсахъ правосудія“. Шарлотта Кордэ казалась совершенно удовлетворенною такою защитой“.

Присяжные засѣдатели осудили ее единогласно. Предсѣдатель провозгласилъ ея смертный приговоръ слѣдующими словами: „На основаніи единогласнаго рѣ-

шенія присяжныхъ засѣдателей, во-первыхъ, вполне удостовѣрено, что Жанъ Поль Маратъ, депутатъ національнаго Конвента, 13 текущаго іюля мѣсяца, между 6 и 7 часами вечера, былъ пораженъ ударомъ ножа, вонзеннаго въ грудь, въ то время какъ онъ сидѣлъ въ ваннѣ, вслѣдствіе какового удара онъ немедленно скончался; во-вторыхъ, что виновницей этого убійства является Марія Анна Шарлотта Кордэ; въ-третьихъ, что дѣйствіе это она совершила съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ и изъ преступнаго противореволюціоннаго побужденія, — присуждается Марія Анна Шарлотта Кордэ къ смертной казни. Надлежитъ сдѣлать распоряженіе, чтобы она, одѣтая въ красную рубашку, была отведена на мѣсто исполненія приговора, что ея имущество поступаетъ въ собственность республики и чтобы настоящій приговоръ, по предложенію оффиціального обвинителя, былъ приведенъ въ исполненіе на Площади Революціи“.

Взоры присутствовавшихъ были направлены на нее, въ ожиданіи, не оставитъ ли ее то непоколебимое спокойствіе, въ которомъ она пребывала во все время судебного разбирательства, передъ вѣрною и неизбѣжною смертною казнью. Но, ожиданіе оказалось напраснымъ; гордая республиканка осталась нечувствительной. Ея черты не выказывали ни малѣйшаго волненія; она не была потрясена ни ужаснымъ приговоромъ, назначившимъ ей эшафотъ, ни той леденящей тишиной, которая ее окружала, ни торжествомъ обстановки, которая сопровождала эти кровавыя рѣшенія суда. Глубокое спокойствіе отражалось на ея челѣ въ такіе моменты, когда самая непоколебимая бодрость невольнo подчиняется природному движенію.

Предсѣдатель спросилъ ее затѣмъ, не имѣетъ ли она что либо замѣтить по поводу примѣненія закона. Ея единственнымъ отвѣтомъ было обращеніе къ жандармамъ просьбы подвести ее къ ея защитнику, къ

которому она, съ большой граціей и любезностью, обратилась со слѣдующими словами: „Милостивый государь, благодарю васъ за мужество, съ которымъ вы меня защищали, единственнымъ, достойнымъ васъ и меня, способомъ. Эти господа конфискують мое имущество; но я бы желала представить вамъ наивысшее доказательство моей къ вамъ благодарности тѣмъ, что рѣшаюсь просить именно васъ заплатить за меня то, что я осталась должна въ тюрьмѣ. Я рассчитываю на ваше великодушіе“.

Долгъ ея составлялъ 36 франковъ, которые Шово-Лагардъ и уплатилъ тюремному смотрителю на слѣдующій же день.

По окончаніи судебного засѣданія, Шарлотта Кордэ была тотчасъ-же отведена обратно въ Консьержери, изъ котораго она уже вышла только для того, чтобы вступить на эшафотъ. Она все время оставалась спокойной и бодрой. Это продолжалось недолго, такъ какъ вскорѣ пришелъ палачъ въ ея камеру, чтобы сопроводить ее на мѣсто казни. Когда онъ связалъ руки Шарлотты Кордэ и отрѣзалъ ей волосы, она сказала: „Вотъ туалетъ, къ которому я еще не привыкла“.

Въ моментъ, когда она взбиралась на роковыя дроги, надъ Парижемъ пронесся страшный ураганъ, заглушившій ревъ и крикъ толпы, послѣдовавшей за нею къ мѣсту казни. Ничто не могло заставить непоколебимую душу потерять самообладаніе. Ея спокойные и кроткіе взгляды блуждали по толпѣ. Она высоко держала голову, но безъ гордости; она имѣла свободный, непринужденный видъ, но безъ пренебреженія; ея черты были оживлены и выразительны. Красная блуза, которая отвратительно выглядывала на ней, казалось, еще сильнѣе выдѣляла ея природный румянецъ. На всемъ пути, отъ Консьержери до Площади Революціи, ее ни на минуту не покидало геройское спокойствіе. Кровь бросилась ей въ лицо при взглядѣ на эшафотъ. Она

такъ скоро взбѣжала на него, какъ только позволяли ей это ея связанныя назадъ руки. Спокойно легла она на роковую доску. Водворилась глубокая тишина и ужасный топоръ опустился...

Презрѣнный палачъ, по имени Легро, оказался такимъ подлецомъ, что уже отрубленной и приподнятой имъ кверху головѣ Шарлотты далъ пощечину. Но такое издѣвательство палача возбудило въ толпѣ взрывъ страшнаго негодованія.

Казненная Шарлотта Кордэ приобрѣла себѣ поклонниковъ. Еще въ то время, когда ее препровождали въ тюрьму, туда быстро вошелъ молодой человѣкъ и настойчиво упрашивалъ посадить его въ тюрьму вмѣсто нея и подвергнуть его казни. Этотъ молодой человѣкъ, нѣкто Адамъ Люксъ, не постыдился публично изложить свое очарованіе въ изданной имъ брошюрѣ.

Онъ описывалъ, какъ она покинула свою тихую родину, какъ она никому не открылась и какою, не имѣя ни поддержки, ни совѣта, ни утѣшенія, она оказалась рѣшительной. Пренебрегая личнымъ существованіемъ, она шла на спасеніе тысячъ другихъ жизней. Только одна эта мысль придаетъ ей силу и твердость, которыя не покидаютъ ее. Письмо ея къ Барбару вдохновляетъ автора брошюры и очаровываетъ полною неожиданностью своего содержанія. „Это письмо подѣйствуетъ на умы и создастъ героевъ“, писалъ онъ. „Шарлотта Кордэ, величественная дѣвушка, несравненное существо! чего только ни почувствовалъ я при видѣ, когда тебя везли на мѣсто казни! тебя, такую красавицу, такую нѣжную! какъ любовался я твоею непоколебимою кротостью среди варварскихъ криковъ толпы! этотъ божественный, проницательный взглядъ! Эти живыя, огненные искры, которыя вылетали изъ твоихъ чудныхъ глазъ, откуда смотрѣла столь же нѣжная, сколь и безстрашная душа. Чарующіе глаза: камни должны были смягчаться отъ вашего взора! Ангельское выраженіе, проникшее вглубь

моего сердца, испытавшее живое неизвѣданное мною доселѣ вдохновеніе, сладость котораго успокаиваетъ горечь страданій и ощущеніе котораго прекратится лишь съ моимъ послѣднимъ вздохомъ!“

Несчастный требовалъ для себя гильотины какъ алтаря, освященнаго кровью прелестной героини. Онъ изступленно домогался того, чтобы его кровь была пролита на немъ и слилась съ ея кровью: „Покройте и меня позоромъ, какъ ее, насытитесь вторично такимъ варварскимъ зрѣлищемъ. О, парижане! неужели въ границахъ вашихъ стѣнъ, мѣстѣ совершенія благородныхъ поступковъ встарину, могутъ твориться такія ужасныя дѣянія? Прости, о, Шарлотта, если мнѣ не удастся въ послѣдній моментъ моей жизни выказать мужество и кротость, подобная твоимъ! Я въ восхищеніи отъ твоего превосходства, такъ какъ развѣ это не безспорно, что существо обожаемое превосходить существо обожающее?“ Онъ былъ до такой степени обрадованъ, когда арестовали его, что могъ произнести только слова: „Я умру за нее“.

И дѣйствительно, онъ вскорѣ подвергся одинаковой же участи. Его послѣднимъ блаженствомъ было то, что тотъ же самый топоръ коснулся его шеи, который касался красивой шеи его возлюбленной героини. Вѣдь, на этой единственной мысли сосредоточились всѣ его силы, всѣ его природныя дарованія. Болѣе продолжительная жизнь съ момента ея смерти казалась ему уже немислимой *).

Всѣ довольно многочисленныя біографы Шарлотты Кордэ приходятъ къ заключенію, что описаніе ея жизни и болѣе или менѣе ясная характеристика ея личности

*) Молодой человѣкъ, очарованный этой героиней, былъ депутатъ изъ города Майнца, Адамъ Люксъ. На судѣ онъ внимательно слѣдилъ за отвѣтами Шарлотты Кордэ и до такой степени былъ пораженъ ими, что образъ ея уже не покидалъ его ни на минуту.

представляетъ немало затрудненій. О ней сохранилось очень мало историческихъ данныхъ, представляющихъ собой скорѣе лишь матеріаль для умозаключеній, нежели дающихъ готовую характеристику этой подвижницы. Она такъ же быстро сошла со сцены общественной жизни, какъ и появилась на ней.

По совершеніи казни, Шарлотту Кордэ похоронили на кладбищѣ Мадлэнъ, а въ 1815 году останки ея были перенесены на кладбище Монпарнасъ. Лѣтъ тридцать спустя, одинъ изъ изслѣдователей эпохи французской революціи, особенно заинтересованный выясненіемъ мужественнаго поступка неразгаданной Шарлотты Кордэ, отправился въ Канъ, мѣсто ея родины, чтобы тамъ собрать оней свѣдѣнія, тѣмъ болѣе разсчитывавшій на успѣхъ своихъ изысканій, что руководился прочитанной въ одной изъ газетъ того времени („Chronique de Paris“) замѣткой, въ которой говорилось, что нѣсколько изступленныхъ добровольцевъ, изъ развращенной терроромъ толпы, намѣревались отправиться на ея родину съ цѣлью „разрушить ея домъ, посыпать почву солью, и на пустомъ мѣстѣ вбить столбъ съ надписью: здѣсь былъ домъ Шарлотты Кордэ“. Однако, за исключеніемъ знавшаго ее престарѣлаго кюрэ (священника), память о ней у ея земляковъ угасла и самое имя ея было предано полному забвенію. Напрасно искалъ онъ домъ, или мѣсто, на которомъ онъ находился, гдѣ жила Шарлотта; никто не могъ ему въ этомъ помочь.

Не подлежить никакому сомнѣнію, что политическій кругозоръ Шарлотты Кордэ развился очень рано, хотя повидимому, направленіе онъ получилъ весьма одностороннее. Пораженная неслыханнымъ проявленіемъ злобы и гоненіемъ противъ несчастныхъ жирондистовъ, всегда отзывчивая къ человѣческимъ страданіямъ, она воодушевилась желаніемъ отомстить гонителямъ, рѣшивъ пожертвовать собой, чтобы уничтожить тираннію. Но, какъ это и всегда бываетъ, тираннія держалась не

однимъ человѣкомъ, а цѣлой партіей и, вообще, насильственнымъ состояніемъ республики. Шарлотта Кордэ, исполнивъ свой великодушный, но бесполезный, замысль, умерла съ невозмутимымъ спокойствіемъ, скромнымъ мужествомъ и увѣренностью, что хорошо поступила. Но, умерщвленный Маратъ сдѣлался для обольщенной массы еще большимъ предметомъ поклоненія и восхищенія, нежели былъ при жизни. Его имя призывали на площадяхъ, его бюстъ былъ поставленъ во всѣхъ народныхъ обществахъ, и Конвентъ принужденъ былъ воздать ему почести погребенія въ Пантеонѣ.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя любопытныя оцѣнки поступка Шарлотты Кордэ изъ „Очерковъ изъ исторіи великой французской революціи“ Н. Мировича.

Такъ, говоритъ Н. Мировичъ, въ газетѣ „Le Dix D'octobre“ читаемъ: „Душѣ ея недостаетъ страсти, какъ поступку ея недостаетъ величія. Осмѣлюсь ли высказать всю мою мысль? Поэтъ жирондистовъ сравниваетъ Шарлотту Кордэ съ Жанной д'Аркъ. Геройство одной, какъ преступленіе другой, на мой взглядъ, имѣетъ вполне естественную причину. Но, кто признаетъ ее въ нашъ глупоспиритуалистическій вѣкъ?“ И далѣе авторъ указываетъ на безбрачіе, какъ на причину ненормальнаго состоянія, вызвавшего ненормальные поступки.

„Le National“ пишетъ: „Главный недостатокъ пьесы: стремясь сохранить историческую достовѣрность, которой любовь не особенно бы повредила, поэтъ принесъ въ жертву самый могущественный трагическій элементъ,—двигатель, который съ незапамятныхъ временъ оправдываетъ самыя крайнія, отчаянныя рѣшенія. Если бы Шарлотта дѣйствительно любила Барбару, если бы цѣль ея состояла въ томъ, чтобы спасти его, заколовъ врага своего любовника,—интересъ удвоился бы. вмѣсто того, она старается закрыть свое сердце для любви. Она отрицаетъ ее, поэтому въ драмѣ

такъ же, какъ въ исторіи, мотивы, побудившіе ее къ убійству Марата, остаются неясными“.

Вотъ какъ современная газета, робкая и боязливая, какъ почти всѣ органы печати въ эпоху тиранніи, описываетъ казнь Шарлотты Кордэ: „Шарлотта Кордэ, обладавшая всѣми дарами природы, подверглась участи преступниковъ. Ея хладнокровіе въ послѣднія минуты, быть-можетъ, еще болѣе чѣмъ ея преступленіе, увѣковѣчитъ ея имя въ потомствѣ. Она сама положила голову подъ плаху. Кругомъ царило глубокое молчаніе. Палачъ, поднявъ отрубленную голову и показывая ее народу, ударилъ ее рукой. Въ отвѣтъ раздался почти единогласный ропотъ толпы: „Законъ наказуетъ, но не мститъ!“ Затѣмъ раздались крики: „Да здравствуетъ нація, да здравствуетъ республика!“ И всѣ разошлись подъ впечатлѣніемъ страшнаго преступленія Шарлотты Кордэ, а также ея мужества и красоты“.

Сознаніе напрасно принесенной жертвы встрѣчается и у современниковъ Шарлотты Кордэ, какъ разъ у тѣхъ, кого она мечтала спасти. Узнавъ объ ея смерти, Верньо воскликнулъ въ своей тюрьмѣ: „Она насъ убиваетъ, но въ то же время показываетъ намъ, какъ надо умирать!“

Мадамъ Роланъ, въ своихъ мемуарахъ, говоритъ: „Женщина изумительная, сообразовавшаяся лишь съ своимъ мужествомъ, казнила апостола убійства и грабежа: она заслуживаетъ восхищенія всего міра. Но, не зная положенія вещей, она плохо выбрала время и жертву... Смерть Марата лишь сослужила службу его послѣдователямъ; они превратили своего названнаго пророка въ мученика“.

Итакъ, представители жиронды первые осудили геройскій подвигъ этой женщины. Но, осудивъ его съ политической точки зрѣнія, они оцѣнили руководившіе имъ мотивы. Ни одинъ не заподозрѣлъ ихъ чистоту и безкорыстіе; ни одинъ не придалъ ея поступку личной окраски, связавъ убійство Марата съ романическими

побужденіями, — местию изъ-за любви къ одной изъ жертвъ Марата: ни одинъ не хотѣлъ допустить, чтобы тѣнь пошлости легла на строго цѣломудренныя, благородныя черты Шарлотты Кордэ. Это бережное отношеніе къ ея посмертной доброй славѣ особенно ярко выразилось, когда имя ея стало достояніемъ литературы. Поэты, беллетристы, историки, — всѣ, со смѣшаннымъ чувствомъ любопытства, удивленія и восторга, останавливали на ней болѣе или менѣе внимательный взоръ; особенно влекло къ ней драматурговъ. Даже Шиллеръ одно время серьезно замышлялъ писать о ней драму.

Вскорѣ послѣ казни Шарлотты Кордэ, Салль, имя котораго въ числѣ первыхъ стояло въ роковомъ списокѣ жертвъ, рѣшившемъ участь Марата, первый задумалъ увѣковѣчить ее въ драматическомъ произведеніи. Онъ писалъ свое произведеніе при ужасной обстановкѣ въ то время, когда принужденъ былъ скрываться въ окрестностяхъ Сентъ-Эмильона *); но, всѣ товарищи Салля съ глубокимъ вниманіемъ отнеслись къ его замыслу и обсуждали его въ своемъ заточеніи такъ же свободно и всесторонне, какъ если бы они собрались въ салонѣ мадамъ Роланъ, ревниво оберегая при этомъ свое представленіе о Шарлоттѣ Кордэ. Такъ, напр., Бюзо говорилъ: „Не надо умножать числа дѣйствующихъ лицъ. Интересъ раздѣлился бы; а въ пьесѣ ничего не должно быть великаго и прекраснаго, кромѣ самой Шарлотты Кордэ. Особенно, не надо любви въ такомъ произведеніи. Любовь мелка, она отняла бы часть его красотъ; неумѣстность ея бросается въ глаза“.

Все это свидѣтельствуешь, какъ тонко поняли и оцѣнили Шарлотту Кордэ лучшіе представители жиронды. И это весьма понятно: при общности нравственныхъ стремленій, они были созданы, чтобы понять другъ друга.

Н. Б.

*) См. біографію „Мадамъ Букэ“.